

условіяхъ государства, нужна была уже большая степень политическаго сознанія въ общественной средѣ, и болѣе настоятельная потребность общества въ этого рода самодѣятельности; — между тѣмъ старая Москва развила въ такой степени безграничное самодержавіе и такое безправіе общества, что умаленіе соборнаго начала еще въ XVII вѣкѣ не было никѣмъ почувствовано. Весь распорядокъ внутренней жизни государства издавна считался «государевымъ дѣломъ»; это понятіе перешло въ XVIII-й вѣкъ совершенно опредѣлившимся и во всей своей силѣ; неудивительно, что мысль о какомъ-либо автономическомъ участіи общества въ правительственномъ дѣлѣ застыла, потому что уже давно застывала. Абсолютное господство бюрократіи было только естественнымъ развитіемъ московскаго административнаго порядка. — Итакъ, въ этомъ отношеніи не произошло никакой существенной перемѣны. Власть Петра не сдѣлала ущерба никакимъ старымъ свободамъ или, когда стѣсняла ихъ, то только примѣняла готовые приемы прежняго порядка. Но едва ли мы ошибемся, сказавъ, что никогда раньше не былъ такъ высоко поставленъ принципъ и интересъ государства: трудъ, который несъ на службѣ ему самъ царь, трудъ неустанный, разумный и плодотворный, былъ, и остался, какъ нѣчто непримѣрное. Ничего подобнаго, ничего нравственно столь высокаго не видѣла старая Москва, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ примѣръ личной дѣятельности Петра и такой постановки идеи государства имѣлъ большую долю вліянія на развитіе общественнаго сознанія. — Старая московская Россія не представила такихъ проявленій этого сознанія, какія въ Петровскую эпоху мы видимъ у Посошкова, а вскорѣ потомъ у Ломоносова.

Славянофильская вражда къ Петровской реформѣ не истощилась и имѣетъ даже шансы нѣкотораго успѣха въ извѣстной долѣ общества; но то, что прежде было доктринерствомъ школы, теоретическимъ блужданіемъ въ поискахъ за основными началами русской жизни, теперь выродилось въ фактъ настоящаго обскурантизма. Нельзя иначе понять того поношенія петровской реформы, которое соединяется съ фанатическими, и все-таки не очень искренними, призывами «назадъ, домой!» и съ воплями противъ «интеллигенціи», — т.-е. образованности, на дѣлѣ столь еще скудной, къ сожалѣнію, въ русскомъ обществѣ и столь ему нужной для массы всякаго рода настоятельныхъ работъ для государства и народа. Какъ мы упоминали, эта вражда къ реформѣ осталась замѣчательно бесплодна въ научномъ отношеніи: какъ въ сороковыхъ годахъ, такъ и донинѣ эта отрицатель-